

*Эта книга посвящается
Бишопу, нашему золотистому.
Не было собаки лучше, не было
более любящего спутника.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что случилось с Кларой Морроу? Она была великим художником.
#МорроуОтстой

Ты шутишь? Его взяли назад в полицию? **#ПолицияАтстой**

— Merde¹.

— Merde? — Мирна Ландерс взглянула на подругу поверх кружки с кофе латте.

— Извини, — вздохнула Клара Морроу. — Я хотела сказать, фак. Фак-перелефак.

— Узнаю мою девочку. Но с чего это ты вдруг?

— Не догадываешься?

— Неужели Рут приближается? — Мирна в притворной панике оглядела быстро. А может, не такой уж и притворной.

— Хуже.

— Разве это возможно?

Клара протянула Мирне свой телефон, хотя владелица книжного магазина уже знала, что увидит.

Перед тем как встретиться с Кларой за завтраком, она прокрутила свою ленту в «Твиттере». На экране было выставлено на всеобщее обозрение быстро остывающее тело художнической карьеры Клары.

Пока Мирна читала, Клара сидела, обхватив заляпан-ными краской руками кружку с горячим шоколадом, сре-

¹ Дерьмо (*фр.*).

cialité de la maison¹, и смотрела то на подругу, то на сводчатое окно и крохотную квебекскую деревушку за ним.

Если телефон был огорчением, то окно — бальзамом. Пусть оно и не исцеляло полностью, но все же утешало своей привычностью.

Небо было серым и грозило дождем. Или дождем со снегом. Или ледяной крупой. Грунтовая дорога была покрыта жидкой грязью. На мокрой траве тут и там лежали клочья снега. Жители, выгуливавшие собак, шлепали по грязи в резиновых сапогах, уповая на то, что несколько слоев одежды не подпустят апрельский холод к их коже, не позволят пробраться до костей.

Это было невероятно. Пережив очередную лютую канадскую зиму, они почему-то неизменно становились жертвами ранней весны. Виновата была влажность. И перепады температуры. И иллюзорная надежда, что уж на этот раз погода наверняка будет помягче.

Лес за окном стоял, как армия зимних призраков, скелетов с болтающимися на ветру конечностями, которые клацали, ударяясь друг о друга.

Над трубами старых домов, обитых вагонкой, построенных из плитняка или кирпича, вился дымок. Словно сигнал, посылаемый какой-то высшей власти. Чтобы прислала помощь. Прислала тепло. Прислала настоящую весну, а не эту ужасную мешанину слякоти и мороза, дней-дразнилок. Дней снега и тепла.

Апрель в Квебеке — месяц жестоких контрастов. Месяц безупречных послеполуденных часов, проведенных под ярким солнцем, сидя за столиком с бокалом вина, и снегопадов на следующее утро. Месяц проклятий сквозь зубы и сапог в корке грязи, замызганных машин, собак, вывалявшихся в месиве из земли и снега, а потом отряхивающихся. Отчего каждая входная дверь покрывается грязью. И стены. И потолок. И пол. И люди.

¹ Фирменное блюдо (*фр.*).

Апрель в Квебеке — это климатологический дерьмопад. Мозгосрач эпических масштабов.

Но то, что происходило за большими окнами быстро, было цветочками по сравнению с тем, что появлялось на маленьком экране телефона Клары.

Стулья Клары и Мирны стояли близко к камину, в котором потрескивали поленья, отправляя в дымоход порхающие янтарные звездочки. В деревенском бистро пахло дымком, кленовым сиропом и крепким свежим кофе.

«Клара Морроу переживает свой коричневый период, — читала Мирна. — Сказать, что ее последние предложения — говно, было бы несправедливо по отношению к фекалиям. Будем надеяться, что перед нами всего лишь период, а не конец».

— О-хо-хо, — сказала Мирна. Она положила телефон на стол и накрыла ладонью руку подруги. — Merde.

— Tabernac¹. Кто-то из отдела особо опасных преступлений прислал ссылку. Вы только послушайте.

Другие агенты в конференц-зале повернулись к нему, пока он читал с экрана своего телефона:

— «Сегодня первый день Армана Гамаша в Квебекской полиции, куда он вернулся после девятимесячного отстранения, последовавшего за рядом необдуманных, пагубных решений».

— Пагубных? Это вранье, — сказал один из полицейских.

— Вранье, которое ретвитят сотни людей.

Другие агенты и инспектора достали свои телефоны и принялись водить пальцами по экранам, поглядывая на дверь. Чтобы убедиться...

Часы показывали без одиннадцати минут восемь, и сотрудники отдела по расследованию убийств собирались

¹ Франкоканадское ругательство. Произошло от церковного слова «tabernacle» — «скиния».

на регулярное понедельничное совещание для обсуждения текущих расследований.

Впрочем, в сегодняшнем совещании было что-то не так. Как и в сегодняшнем утре. Зал был наэлектризован — все пребывали в нетерпении. А то, что они увидели на экранах своих смартфонов, еще больше повысило напряжение.

— Merde, — пробормотал один из агентов. — «Достигнув вершин власти в качестве старшего суперинтенданта Квебекской полиции, — начал читать он, — Гамаш не замедлил злоупотребить ею. Он намеренно выпустил на улицу катастрофическое количество опиоидов. После проведенного расследования его временно отстранили».

— Они понятия не имеют, о чем пишут. Однако это не так уж плохо.

— Вот тут дальше: «Его следовало как минимум уволить. Возможно, судить и посадить в тюрьму».

— Ух ты.

— Что за безумие! — воскликнула одна из полицейских постарше, она схватила телефон и стала читать сама. — Кто пишет подобную чушь? Они даже не упоминают о том, что он изъял все наркотики.

— Конечно не упоминают.

— Надеюсь, он этого не увидит.

— Шутишь? Непременно увидит.

В зале наступила тишина, только слышалось тихое постукивание пальцев по смартфонам. Похожее на шорох омертвевших веток на ветру.

Все читали, бормоча себе под нос слова, которые их предки почитали священными, но которые теперь превратились в ругательства. «Tabernac. Câlice. Hostie»¹.

Один из полицейских постарше обхватил руками голову, помассировал виски. Потом потянулся к телефону:

— Я напишу опровержение.

¹ Чаша. Облатка (*фр.*).

— Не надо. Пусть лучше руководство. Старший суперинтендант Туссен вправит им мозги.

— Пока что не вправила.

— Еще не вечер. Она стажировалась при Гамаше. Она его защитит.

В дальнейшем углу одна из агентов уставилась в свой телефон, нахмурившись так, что между ее бровями залегла глубокая складка.

В то время как остальные полицейские были бледны, она вся покраснелась. И читала она не эсэмэску или твит, а письмо, полученное по электронной почте.

Несмотря на свой возраст — около сорока пяти лет, — Лизетт Клутье была одним из новичков в отделе по расследованию убийств, куда ее перевели из бухгалтерии полиции. Она много лет искала огрехи в расходовании бюджета полиции, уже перешагнувшего за миллиард долларов, и наконец суперинтендант Гамаш отметил ее работу и решил, что она будет не менее полезна в поисках убийц.

Пусть она не могла обнаружить следы ДНК или заметить подозрительного человека, следующего за ней по пятам темной ночью, но деньги она очень даже умела отыскивать. А это часто приводило к тем же результатам.

Все остальные в зале трудились не покладая рук, чтобы попасть в самый престижный отдел полиции Квебека.

Агент Лизетт Клутье делала все возможное, чтобы покинуть этот престижный отдел. И вернуться в уютную, безопасную, предсказуемую, понятную среду цифр. Подальше от ежедневных ужасов и физического насилия, эмоционального хаоса убийства.

На подобных совещаниях Клутье всегда выбирала одно и то же место, садясь спиной к длинной белой доске с приклеенными к ней фотографиями.

Она обдумала полученное ею письмо, написала ответ и поскорее отправила его, чтобы не передумать.

— С кем поспорить, что некоторые из этих твитов от Бовуара? — подал голос один из молодых агентов.

— Вы имеете в виду старшего инспектора Бовуара?

Все повернулись к двери. А потом начали вставать, со скрежетом отодвигая стулья.

Изабель Лакост стояла с тростью в руке, пристально глядя на молодого агента. Наконец она отпустила его и с улыбкой обвела взглядом знакомые лица.

Когда она в последний раз была на понедельничном совещании, то председательствовала на нем как глава отдела по расследованию убийств. Теперь она вошла в зал, хромя.

Ее раны, почти залеченные, все же давали о себе знать. И так будет всегда.

Офицеры и агенты собрались вокруг нее, поздравляя с возвращением, а она пыталась объяснить, что это не совсем так. Получив звание суперинтенданта, она пришла сюда лишь для того, чтобы обсудить время и условия ее возвращения на активную службу.

Но все присутствующие знали, что в этот понедельник она оказалась здесь неслучайно. Это был не какой-то обычный день. Не какое-то обычное совещание.

Изабель Лакост села на стул во главе стола и кивнула другим, чтобы занимали места. Потом посмотрела на молодого агента, выдавшего реплику насчет старшего инспектора Бовуара:

— Что вы хотите этим сказать?

Голос ее звучал невозмутимо, а поза была неестественно спокойной. Агенты-ветераны, служившие под началом старшего инспектора Лакост, узнали этот ее взгляд. И почти посочувствовали глупому молодому агенту, который оказался в перекрестье ее прицела.

— Я хочу сказать, мы все знаем, что старший инспектор Бовуар покидает Квебекскую полицию, — ответил он. — Уезжает в Париж. Но не в ближайшие две недели. И что произойдет за это время? Притом что вернется Гамаш. Я скорее предпочел бы участвовать в перестрелке,

чем оказаться на месте старшего инспектора Бовуара, входящего сегодня в это помещение. Готов поспорить, он чувствует то же самое.

— Считайте, что вы проиграли.

В зале воцарилась тишина.

«Он молодой и глупый, — подумала Лакост. — Наверное, жаждет какой-нибудь отчаянной славы».

Она знала, что этот агент никогда не участвовал в так называемых перестрелках. Его выдавало само использование этого дурацкого выражения. Любой из тех, кто действительно поднимал оружие, целился в другого человека и стрелял, снова и снова, получая выстрелы в ответ, — любой из них никогда бы не счел это славным, никогда бы не назвал перестрелкой.

И никогда, ни за что в жизни не захотел бы оказаться там снова.

Те из находящихся в зале, кто участвовал в последнем рейде, смотрели на молодого агента. Кто-то — с возмущением. А кто-то — почти задумчиво. Вспоминая, когда они сами были такими молодыми. Такими наивными. Такими бессмертными.

Девять месяцев назад.

Они мысленно возвращались в тот летний день. В красивый лесок у границы с Вермонтом. Вспоминали солнце, проникавшее сквозь кроны деревьев, тепло его лучей на лице.

Тот момент, который словно повис в воздухе, прежде чем разразился ад.

Все подняли оружие, все стреляли. И стреляли. Валили огнем дерева. Валили людей.

Крики. Кашель. Едкий запах оружейных газов, дерева и плоти, обожженной пулями.

Старший инспектор Лакост была одной из первых, кто упал. Ее действия дали старшему суперинтенданту Гамашу ту необходимую минуту, чтобы самому начать действовать. И он начал.

Изабель Лакост не видела, что совершил старший суперинтендант Гамаш, потому что была тогда без сознания. Но позже она узнала о его действиях. Прочитала расшифровку расследования, проведенного после его отстранения.

Гамаш пережил события того дня.

Только для того, чтобы его уничтожили свои же люди.

И атака на него продолжалась, даже после того, как он вернулся к работе.

Изабель Лакост и все ветераны полиции в зале знали, что решения, принятые старшим суперинтендантом Гамашем, были отчаянно дерзкими. Бесстрашными. Необычными. И, что бы там ни писалось в твиттах, в высшей степени эффективными.

Но все могло кончиться совершенно иначе.

Та операция была решающим ударом. Последним отчаянным действием старшего полицейского чина Квебека, который чувствовал, что другого выхода у него нет.

Если бы Гамаш потерпел неудачу — а какое-то время казалось, что он таки ее потерпел, — полиция осталась бы калеккой, а беззащитный Квебек был бы отдан на растерзание бандитскому насилию, наркоторговле, организованной преступности.

Гамаш победил. Но он был на волосок от поражения и заплатил немалую цену.

Любой разумный человек, принимающий такие решения, ожидал бы последствий для себя, независимо от результата. Старший суперинтендант был из разумных. Он наверняка предполагал, что будет отстранен. Что его действия будут расследованы.

Но ожидал ли он унижения?

Нанося свой решающий удар, полицейское руководство предпочло спасти собственную шкуру, поставив крест на карьере Гамаша. Хотя следствие оправдало его, ему предложили должность, которую он никак не мог принять. Должность старшего инспектора отдела по рас-

следованию убийств. Пост, который он занимал прежде много лет. Пост, который он передал Лакост, когда его назначили главой Квебекской полиции. После ранения Лакост и по сей день ее обязанности в отделе исполнял Жан Ги Бовуар.

Руководство знало, что с таким понижением статуса Арман Гамаш не может согласиться. Унижение было бы слишком велико. Рана слишком глубока. Он подаст в отставку. Уйдет на пенсию. Исчезнет.

Но Арман Гамаш отказался уходить. К их удивлению, он сошел с пути истинного и принял предложенную работу.

Его грехопадение должно было завершиться здесь. В этом зале. Сегодня.

И казалось, что он приземлится прямо на голову Жану Ги Бовуару.

До восьми оставалось семь минут. Вскоре в эту дверь войдут два человека. Оба занимавшие пост главы отдела по расследованию убийств.

И что произойдет тогда?

Даже Изабель Лакост ловила себя на том, что поглядывает на дверь. Никаких неприятностей она не ждала, но не могла не думать о том, что Джордж Уилл¹ назвал «происшествием в Огайо».

В 1895 году во всем штате Огайо было всего два автомобиля. И они столкнулись.

Никто лучше Лакост не знал, что неожиданности случаются. И сейчас она поймала себя на том, что готовится к предстоящему столкновению.

— Это твоя собственная вина, — заявила Рут Зардо. — Ты вообще не должна была соглашаться на это, если хочешь знать мое мнение.

¹ *Джордж Уилл* — американский журналист, лауреат Пулицеровской премии 1977 года.

Никто не хотел его знать.

— Нет, вы послушайте, — продолжала старая поэтесса, читая с телефона. — «Работы Клары Морроу шаблонны, лишены своеобразия и банальны». Они еще забыли «подражательны» и «заурядны». А может, кто-то дальше по ветке и говорит это.

— Наверное, уже хватит, Рут, — сказала Рейн-Мари Гамаш.

Она посмотрела на часы. Почти восемь. Подумала, как там дела у мужа. Чтобы понять, как дела у Клары, не нужно быть семи пядей во лбу.

У ее подруги были темные круги под глазами и изможденный вид. И слегка подкрашенный. На лице и в волосах просматривались мазки красного кадмия и жженой умбры.

Клара надела свои обычные джинсы и свитер. Успех в качестве художника не изменил ее отношения к моде. Каким оно было, таким и осталось. Вероятно, по той причине, что признание пришло к Кларе поздно, когда ей было под пятьдесят. Она десятилетиями работала в своей мастерской, создавая картины, остававшиеся незамеченными. Ее выдающимся достижением была серия «Воинственные матки». Она продала всего одну картину. Себе. И подарила ее свекрови. Таким образом придав статус оружия своему искусству. И своей матке.

Потом, после какого-то вечера в бистро с подругами из деревни, Клара пришла в мастерскую и начала писать что-то совсем другое. Портреты. Портреты маслом. Своих подруг.

Она писала их такими, какими они были, со всеми их морщинками, пятнышками и припухлостями. Но что ей действительно удалось передать своими смелыми мазками, так это их чувства.

Эти портреты ворвались в мир живописи, их восхваляли, называли революционными. Говорили, что она вернула традиционную форму, но вдохнула в нее новую

жизнь. Ее портреты светились. Радостью. Жизнью. Иногда тревожили, потому что одиночество и горькая печаль на некоторых лицах стали очевидными.

Ее портреты женщин были вызывающими, смелыми и дерзкими.

И сегодня, в это апрельское утро, многие из этих женщин присоединились к Кларе в бистро. Когда-то они праздновали здесь ее успех. Теперь пришли с утешениями.

— Они сами не понимают, что говорят, — сказала Мирна. — Просто пишут что-то злобное, низкое.

— Но если я верила им, когда они хвалили мои работы, то не должна ли поверить им и на этот раз? — спросила Клара. — Почему они были правы тогда, но ошибаются сейчас?

— Потому что они не художественные критики, — ответила Рейн-Мари. — Я уверена, многие из них и на выставке-то не были.

— Художественный критик «Нью-Йорк таймс» только что выложил пост, — сообщила Рут. — Он пишет, что в свете этой катастрофы собирается вернуться к твоим ранним работам, портретам, и посмотреть, не ошибался ли в их оценке. Дерьмо собачье. Он же не о моем портрете, правда?

— Фак-фак-фак, — пробормотала Роза.

Утка сидела на коленях у Рут и посматривала на всех с недовольным видом. Впрочем, утки всегда чем-нибудь недовольны.

— Все будет в порядке, — сказала Мирна.

— Я тоже в это верю, — проговорила Клара, проводя пятерней по своим густым волосам, отчего они встали дыбом, сделав ее похожей на умалишенную.

Рут же, которая почти наверняка была настоящей сумасшедшей, напротив, выглядела абсолютно собранной.

— Хорошо, что никто не увидит твоего говна, — сказала Рут. — Кто ходит на выставки миниатюр? С какого перепуга ты вообще согласилась участвовать в коллективной выставке крохотных картин маслом? Это то, чем занимались скучающие светские дамы в восемнадцатом веке.

— И многие из них были гораздо лучше, чем их современники-мужчины, — заметила Мирна.

— Верно, — кивнула Рут. — Похоже на правду.

Роза закатила свои утиные глаза.

— Твое дело — портреты на больших холстах, — не унималась Рут. — Зачем писать маленькие пейзажи?

— Я хотела расширить сферу деятельности, — объяснила Клара.

Рут подняла брови:

— Создавая миниатюры? Немного иронично.

— Вы видели эти работы Клары? — спросила Рейн-Мари.

— Мне не нужно их видеть. Я их обоняю. Они пахнут, как...

— Может быть, лучше посмотреть, прежде чем комментировать?

— Зачем? Они наверняка шаблонные и банальные.

— Ты что, снова и снова пишешь одно и то же стихотворение? — спросила Мирна.

— Нет, конечно, — ответила Рут. — Однако я не пытаюсь писать романы. И там и там слова, это верно, но я знаю, в чем я хороша. В чем бесподобна.

Мирна Ландерс тяжело вздохнула и переместила свой немалый вес в кресле. Как бы ей ни хотелось возразить Рут, она не могла. Факт оставался фактом: их старая соседка по Трем Соснам, пьяница и скандалистка, была блестящей поэтессой. Хотя и неважным человеком.

Рут издала звук, который можно было принять за смех. Или за отрывку.

— Я сейчас скажу тебе, что смешно. Ты терпишь неудачу и сгораешь, пытаясь сделать что-то новое, а Арман

уничтожает свою карьеру, соглашаясь вернуться, чтобы делать то, что он делал сто лет назад.

— Никто не терпит неудачу и не сгорает, — возразила Рейн-Мари и снова взглянула на часы.

Атмосфера в конференц-зале все больше накалялась.

— И как это будет работать? — спросил один из агентов. — Мы получаем двух старших инспекторов?

Все посмотрели на суперинтенданта Лакост.

— Non¹. Старший инспектор Бовуар будет исполнять свои обязанности до отъезда в Париж.

— А Гамаш... — начал другой агент.

— Старший инспектор Гамаш. Это просто переходный период в несколько недель, только и всего, — сказала Лакост, стараясь выглядеть увереннее, чем была на самом деле. — Это неплохо. У отдела будут два опытных руководителя.

Но мужчины и женщины в зале не были идиотами. Один сильный руководитель — это хорошо. Когда их двое, начинается противостояние. Противоречивые приказы. Хаос.

— Они много лет работали вместе, — продолжала Лакост. — Прекрасно сработаются и теперь.

— А вам не было бы досадно получать приказы от бывшего подчиненного?

— Конечно не было бы.

Но несмотря на раздражение, Лакост знала, что это вполне закономерный вопрос.

Сможет ли Бовуар заставить себя отдавать приказы своему прежнему начальнику и наставнику?

И самое главное, сможет ли бывший старший суперинтендант подчиняться таким приказам? Гамаш, при всей его уважительности, привык руководить. И руководить Бовуаром.

¹ Нет (фр.).

— Но тут ведь не только это, правда? — сказал полицейский постарше.

— Есть что-то еще? — спросил его молодой агент.

— Ты не знаешь? — Полицейский огляделся вокруг, намеренно игнорируя предостережение во взгляде Лакост. — Гамаш не только начальник Бовуара. Он его тесть.

— Шутите, — сказал агент, понимая, что тот не шутит.

— Ноп. Он женат на дочери Гамаша, Анни. У них есть ребенок.

Хотя семейная связь Гамаша и Бовуара не была тайной, никто из них двоих особо ее не афишировал.

Один из агентов за столом фыркнул и оторвался от своего смартфона:

— Они всерьез принялись за него. Вот послушайте...

— Ноп, — сказала Лакост. — Я не хочу это слушать.

У двери послышалось какое-то движение.

Все повернулись, потом вскочили на ноги.

Старшие отдали честь. Молодые на мгновение растерялись.

Некоторые из находящихся в зале не знали Армана Гамаша лично. Другие не видели его несколько месяцев. С того жаркого июльского дня в лесу. Воздух был наполнен вонью выстрелов и криками раненых. Когда дым рассеялся, они увидели главу Квебекской полиции с пистолетом в руке. Тащившего мертвое тело по красивому лесу.

Догадывался ли Гамаш тем летним утром, надевая чистую белую рубашку, костюм и галстук, что день у него закончится таким вот образом? Кровью на его одежде. И на руках.

В тот душный день он проснулся старшим суперинтендантом Квебекской полиции. Уверенным в себе руководителем. Вынужденным, сжав зубы, пойти опасным путем.

Ближе к вечеру он вышел из леса разбитый.

И вот он вернулся.

Став лучше? Став ожесточеннее?

Вскоре им предстояло понять это.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Человеку, стоявшему у двери, было под шестьдесят. Высокий, не грузный, но крепкий. Чисто выбритый. И пусть не классически красивый, однако более привлекательный и определенно более благородный, чем пытались внушить молодым агентам фотографии, помещенные в социальных сетях в то утро.

Слегка выющиеся волосы Армана Гамаша, некогда темные, теперь почти полностью поседели. Цвет лица у него был как у человека, который много часов проводил в бескрайних полях, во влажных лесах, по колено в снегу, разглядывая трупы. И преследуя тех, кто сделал это.

Он выглядел как человек, который многие годы нес на своих плечах тяжелый груз ответственности. Которому приходилось делать жестокий выбор.

Морщины на его лице говорили о решительном характере. Об умении сосредоточиваться. О заботах, растянувшихся на годы. И о скорбях. Растянувшихся на десятилетия.

Но под взглядами агентов на этом лице появилась улыбка, и они увидели, что самые глубокие из его морщин — в уголках глаз.

Морщинки смеха. Выраженные гораздо ярче, чем те, что были порождены заботами и болью. Хотя все они встречались, перемешивались, пересекались.

А еще был безошибочно узнаваемый шрам на виске. Как визитная карточка. Отметина, делавшая его непохо-

жим на других. Шрам пересекал морщины забот и смеха. И за ним стояла отдельная история.

Вот что увидели более молодые агенты.

Для ветеранов все было иначе. Они не столько видели, сколько чувствовали.

Наступило молчание, когда Арман Гамаш остановился на пороге, глядя на них, заглядывая им в глаза, внезапно увлажнившиеся.

Агенты, собравшиеся в зале, даже не думали, что он вернется. Во всяком случае, не в Квебекскую полицию и уж точно не в отдел по расследованию убийств. Этот пожилой полицейский, с которым они работали бок о бок долгие годы. Который был их наставником. Учил их ловить убийц. И не потерять себя в процессе. Учил, как быть прекрасными полицейскими и такими же хорошими людьми.

В начале их работы в отделе он выходил с каждым из них на неспешную прогулку и рассказывал о четырех принципах, ведущих к мудрости.

И больше никогда их не повторял.

«Я ошибался». «Я прошу прощения». «Я не знаю». «Мне нужна помощь».

Они в бессилии наблюдали за тем, как Гамаша отстранили от работы. А потом отшвырнули в сторону.

Но сегодня он вернулся. К ним.

Он всегда носил костюм и галстук, крахмальную белую рубашку. И сегодня не изменил себе. Он одевался так, даже когда работал в поле. В знак уважения к жертве и семье. И как символ порядка перед лицом грозившего им хаоса.

Казалось, он не изменился. Но все понимали: это только на первый взгляд. Кто знает, что происходит у него внутри?

Гамаш вошел в конференц-зал:

— Bonjour.

— Bonjour, patron, — раздалось в ответ.

Он кивнул, отвечая на отдавание чести и одновременно давая понять, что в этом нет необходимости.

— Суперинтендант, не ожидал вас здесь увидеть.

Он протянул руку Изабель Лакост, и они обменялись рукопожатием. Приветствием гораздо более формальным, чем те, какими они обменивались, когда она с семьей приезжала к Гамашам в Три Сосны.

— Я была тут неподалеку, — сказала она.

— Понятно. — Гамаш скользнул взглядом по настенным часам. — Твоя первая встреча сегодня через полчаса, кажется?

Изабель Лакост улыбнулась. Он знал. Разумеется, он знал. У нее сегодня должно было состояться несколько собеседований в разных отделах. Ей предстояло выбрать, какой отдел она возглавит, когда через несколько недель выйдет из отпуска.

Впрочем, она неслучайно первой запланировала встречу со старшим инспектором Гамашем.

— Да. Начинаю с самого верха.

— Отдел по уборке помещений?

— Конечно. Мечта любой девушки.

— Все те годы, что ты подчищала за мной хвосты...

— Да, наконец-то это пригодится.

Гамаш рассмеялся.

Он знал, что на самом деле Изабель начнет с отдела тяжких преступлений и, таким образом, фактически станет его начальником.

— У вас есть выбор из нескольких отделов, суперинтендант. И любому из них повезет, если вы согласитесь.

— Merci.

Ее искренне тронули эти слова.

Затем Гамаш повернулся и протянул руку ближайшему к нему молодому агенту:

— Мы не знакомы. Я Арман Гамаш.

Агент замер, глядя на протянутую руку, потом взглянул на улыбающееся лицо. В глаза.

Совсем не глаза дебила, как писали в твитах. И не глаза хладнокровного убийцы, как изображали другие.

Представляясь, агент уловил очень слабый запах сандалового дерева и розовой воды.

— Ах да, — вспомнил Гамаш. — Вы были в группе охраны на Национальной Ассамблее в Квебек-Сити.

— Oui, patron.

— Устроились в Монреале, все в порядке?

— Да, сэр.

Гамаш пошел дальше, оставив агента слегка ошарашенным и в немалой степени пристыженным из-за собственных слов, сказанных ранее. Гамаш двинулся вокруг стола. Называл свое имя тем, с кем не был знаком. Перебрасывался парой слов с теми, кто работал под его началом.

Потом он огляделся.

Стул во главе стола был пуст, и Гамаш направился к нему под взглядами всех присутствующих. Отодвинув стул справа от этого, он сел и кивнул остальным, чтобы заняли свои места.

Гамаш появился за несколько минут до назначенного времени, понимая, что, вероятно, придется рассеять туман. И ответить на некоторые вопросы. Успеть до появления Жана Ги Бовуара.

По правде говоря, он не предполагал, что туман будет таким густым.

— Насколько я понимаю, вы говорили о посте в блоге. — Он достал платок и промокнул глаза.

— Точнее, о твите, — откликнулся агент, вызвав всеобщее недовольство. — Это не важно, сэр.

Гамаш положил телефон на стол:

— Мы ведь не хотим начинать с сокрытия правды друг от друга, верно? Это было достаточно важно до моего появления. Я предпочитаю, чтобы коллеги не судачили у меня за спиной. — Он обвел их взглядом и улыбнулся. — Я понимаю, тут есть неловкость. Я прочел несколь-

ко постов. Знаю, что в них говорится. Что меня следует уволить. Посадить в тюрьму. Что я некомпетентный, вероятно, даже преступно некомпетентный. Все так?

Он больше не улыбался, но и не сердился. Арман Гамаш просто констатировал факты. Очищал воздух, показывая на источник запаха.

Он подался вперед на стуле:

— Вы ведь не думаете, что я тонкокожий?

Полицейские замотали головой.

— Хорошо. Я сомневаюсь, что вы прочтете что-нибудь такое, чего я не прочел раньше вас. Я отвечу на ваши вопросы один раз, а потом мы оставим это в прошлом. D'accord?¹

Злосчастный молодой агент снова сжимал телефон в руке и молился, чтобы на него обрушилась крыша.

Никто не достигал высшего звания в Квебекской полиции, если у него не было амбиций. И безжалостности. И агент мог себе представить, что пришлось делать Гамашу, чтобы подняться на самый верх. А еще он знал, что говорят о Гамаше в социальных сетях. Самое мягкое слово там было «социопат».

И теперь Гамаш смотрел на агента. Приглашал его войти в ловушку.

— Я бы не хотел это делать, patron.

— Понимаю, — сказал Гамаш, понизив голос, хотя все по-прежнему могли слышать его слова. — Когда я был старшим суперинтендантом, у меня в кабинете висел плакат в рамочке. На нем были написаны последние слова выдающегося поэта Шеймаса Хини. «Noli timere». Это на латыни. Вы знаете, что они означают?

Он оглядел зал.

— И я тоже не знал, — продолжил он, не дождавшись ответа. — Пришлось поискать. Они означают «Не бойся». — Его взгляд снова остановился на злосчастном мо-

¹ Договорились? (фр.)

лодом человеку. — На работе вам придется делать вещи, которые будут вас пугать. Возможно, вам станет страшно, но вы должны быть храбрым. Когда я попрошу вас сделать что-то, вы должны верить, что для моей просьбы есть веские основания. А я должен верить, что вы выполните мое задание. D'accord?

Агент посмотрел на свой телефон, провел пальцем по экрану и начал читать.

— «Гамаш сумасшедший. Трус», — прочел он. Голос его звучал сильно, ровно, но лицо стало пунцовым. — «Его следует запереть и не допускать к службе. Квебек в опасности, пока он находится там».

Агент поднял голову, глазами умоляя позволить ему остановиться:

— Это всего лишь комменты, сэр. В ответ на какую-то заметку. Это не реальные люди.

Гамаш вскинул брови:

— Если вы не предполагаете, что это боты...

Агент отрицательно покачал головой.

— ...то они реальные люди. Я только надеюсь, что они не квебекцы.

— Вот один из Труа-Ривьер.

Гамаш поморщился:

— Продолжайте. У кого-то есть еще?

Один за другим они стали читать оскорбительные твиты.

— «Гамаш даже не хочет возвращаться, — прочитал один агент. — Я слышал, он отверг предложение. Жители Квебека ему безразличны. Он думает только о себе».

Агент поднял глаза и увидел, как Гамаш слегка вздрогнул.

— Другие пишут о том же. Что вы не хотели возвращаться в отдел. Работать с нами. Это правда?

— Отчасти — да.

Никто в зале не ждал такого ответа. Все телефоны легли на стол, все глаза усталились на него.